

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Philosophical Society of Uzbekistan
Faculty of Business Administration, University of Economics in Prague
Urgench State University named after al-Khorezmi
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political
and Social Sciences

**MODERN PHILOSOPHIC PARADIGMS:
INTERRELATION OF TRADITIONS
AND INNOVATIVE APPROACHES**

Materials of the VII international scientific conference
on March 3–4, 2020

Prague
2020

Modern philosophic paradigms: interrelation of traditions and innovative approaches: materials of the VII international scientific conference on March 3–4, 2020. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2020. – 38 p. – ISBN 978-80-7526-454-1

ORGANISING COMMITTEE:

Iona G. Doroshina, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor, the chief manager of the Science Publishing Center «Sociosphere-CZ» (Prague, Czech Republic).

Eva Kashparova, Ph.Dr., research associate at University of Economics in Prague (Prague, Czech Republic).

Umidjon R. Kushaev, (DSc) Doctor of Philosophy (Tashkent, Uzbekistan).

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Vadim N. Goncharov, Doctor of Philosophical Sciences, professor of philosophy chair at Humanities Institute of the North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia).

Anwar K. Kadyrov, Doctor of Philosophical Sciences, professor of Tashkent Institute of Chemical Technology (Tashkent, Uzbekistan).

Larisa D. Kozyreva, Doctor of Philosophical Sciences, professor of Northwestern's Institute for Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Shakhnoza O. Madaeva, Doctor of Philosophical Sciences, assistant professor, head of the chair of the history of philosophy and logic at National University of Uzbekistan.

Miroslav Sapik, Ph.Dr., assistant professor, prorector of Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences (Kolin, Czech Republic).

Tomas Sigmund, Ph.D., academic staff of University of Economics in Prague (Prague, Czech Republic).

Maksuda S. Hajieva, Doctor of Philosophical Sciences, assistant professor, head of the chair «Theory of building a democratic society in Uzbekistan and Philosophy» at Urgench State University named after Al-Khwarizmi (Urgench, Uzbekistan).

Nigina A. Shermuhamedova, Doctor of Philosophical Sciences, professor at the National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek (Tashkent, Uzbekistan).

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines modern philosophic paradigms. Some articles deal with Eastern and Western philosophy. A number of articles are covered epistemological and ontological pluralism. Some articles are devoted to philosophic problems of development of modern spiritual culture. Authors are also interested philosophical issues of political processes.

UDC 1

ISBN 978-80-7526-454-1

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2020.

© Group of authors, 2020.

CONTENTS

I. TASKS OF GLOBALIZATION: SOCIO-PHILOSOPHIC ANALYSIS

Borodenko O. V.

Education in the Google Epoch: Prospects and Risks.....5

II. PHILOSOPHIC PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF MODERN SPIRITUAL CULTURE

Дуйсен Н. Б.

Духовная культура – гарантия стабильности в мире8

III. PHILOSOPHY OF INFORMATION: THEORETICAL APPROACHES, ANALYSIS AND REALITY

Goncharov V. N.

Scientific and philosophical aspect of the research of the term
of information..... 13

IV. URGENT ISSUES OF LEGAL PHILOSOPHY

Kolossova O. Yu.

Philosophical concepts of law: theoretical and methodological aspect
of research..... 17

V. NATIONAL CULTURES IN SOCIAL SPACE AND TIME

Петрушина Е. А.

Сезонные праздники и обряды в земледельческом календаре
русского крестьянина 21

Соколова Е. Н.

«Второе южнославянское влияние» на русскую письменность 27

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2020 году	33
Информация о научных журналах	35
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	36
Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	37

I. TASKS OF GLOBALIZATION: SOCIO-PHILOSOPHIC ANALYSIS

EDUCATION IN THE GOOGLE EPOCH: PROSPECTS AND RISKS

O. V. Borodenko

*PhD in Philosophy, senior lecturer,
Department of Sociology,
Petro Mohyla Black Sea
National University,
Mykolaiv, Ukraine*

Summary. This article aims to identify the most significant threats and risks that relate to the education process in modern global society. One of the main problems of modern philosophy is the possibility and necessity of preserving the cultural potential and cultural traditions of education. The gap between modern education and cultural tradition gives education such features as formalization, technologization, dehumanization.

Keywords: social philosophy; philosophy of culture; education; globalization; social risks; dehumanization of education.

The main goal of our theses is to focus on the most significant threats and risks of contemporary education, which are directly related to globalization processes. These threats and risks are also negative trends in the socio-cultural sphere, since a simplified understanding of the globalization of the educational process leads to the separation of education from the cultural basis, to its further formalization. However, it must be recognized that globalization is an inevitable phenomenon. Here we want to show on one example how in philosophy the problem of preservation and development of the cultural potential of education is discussed.

Almost all outstanding philosophers, starting from antiquity, assigned education and training the most important place in society and in the life of each individual. So, for example, Aristotle in *Politics* considered education the most important social activity that makes a person's life happy. Aristotle was convinced that the education process should be well thought out, he should rely on logic, having a practical orientation [1]. Rousseau believed that the main task of education is the formation of a socially active person; education and upbringing should contribute to the emancipation of a person who does not copy the achievements of other people, but uses "his mind, and not someone else's" [6, p. 69].

In the history of philosophy, as in the history of pedagogy, there were a great many concepts of education. The most important of them formed the basis of educational strategies and programs in Europe and the world. All these concepts, starting from the 18th century, were based, as a rule, on the traditional doctrines of the Enlightenment. They were based on the following principles:

1) education is called upon to form a harmonious, comprehensively developed personality; 2) the principle of humanism; 3) social conditioning; 4) the principle of freedom, democracy; 5) faith in progress; 6) the belief in the omnipotence of the mind. As Hegel pointed out, “education (*Bildung*), in its absolute determination, is <...> liberation and work toward a higher liberation; it is the absolute transition to the infinitely subjective substantiality of ethical life, which is no longer immediate and natural, but spiritual and at the same time raised to the shape of universality” [4, p. 274].

At the same time, already in the 19th century there was a split in the European concept of education. The educational process was clearly divided into humanitarian and technical components (the second set the task of forming a specialist with a narrow focus). This split has been steadily increasing over the course of the 20th century. Prominent thinkers and educators began to sound the alarm, noting the growing *dehumanization* of education, its *instrumentalities*. Efficiency and awareness have become much more appreciated than, for example, spirituality, moral responsibility, a meaningful approach to life, creativity. So, Karl Jaspers in *The Idea of the University* sadly noted that “the educational ideal in which humanism and the realism of the natural sciences are completely joined to one another for their mutual enlightenment has never as yet been fully realized” [5, p. 46].

In the era of globalization, since the end of the last century, many negative trends have intensified. The Internet with its modern search engines has made the search for the necessary information as simple and quick as possible. This is a great achievement, but it brings with it a number of serious problems. A person has the illusion of accessibility and the ability to achieve educational goals without much work. At the same time, thanks to the “one-sided” education, children and adolescents did not have their own system of assessments and criteria in selecting and using the necessary information. As a result, we are faced with the need to radically revise approaches to education in order to develop new approaches and strategies in this area.

At present, there are already bright breakthroughs in the philosophy of education. Here is just one example. In our opinion, one of the most promising concepts is the philosophy of global education for Americans John Botkin and Robert Hanvey [2; 3]. At the heart of their concept is the idea of the continuity of the individual and global society. As the authors of the concept note, “education for a global perspective” as a type of “learning which enhances the individual’s ability to understand his or her condition in the community and the world and improves the ability to make effective judgments” [2, p. 1].

This philosophy is based on the following principles: a) “state of the planet’ awareness – awareness of world conditions and development, including emergent conditions and trends” [2, p. 7]; b) “cross-cultural awareness – awareness of the diversity of ideas and practices to be found in human societies around the world” [2, p. 10]; c) “knowledge of global dynamics – modest comprehension of the key traits and mechanisms of the world system” [2, p. 19];

d) “awareness of human choices – awareness of the problems of choice confronting individuals, nations, and the human species as consciousness and knowledge of the global system expands” [2, p. 34].

The concept of Hanvey and Botkin has a pronounced humanistic character, since it is based on unshakable universal human values, the idea of cultivating mutual responsibility: “Global education today has established itself as an educational field which provides a ‘pedagogical reaction to the developmental state of world society’ working within the normative premise of overcoming inequality by being orientated towards a model of global justice” [7, p. 35].

The concept described above, like some other developments in the contemporary philosophy of education, is designed to preserve education as a socio-cultural process, to minimize or eliminate the risks that arise in our time, namely: separation of education from cultural traditions; commercialization, bureaucratization and formalization of the educational process; its growing “technologization” and others.

Bibliography

1. Aristotle. Politics; [trans. by E. Barker and revised with introduction and notes by R. F. Stalley; 1st ed.]. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 423 p.
2. Hanvey R. G. An attainable global perspective. – New York: American Forum for Global Education, 1976.
3. Hanvey R. G. An attainable global perspective. In: Theory into Practice. – 1982. – No. 21 (3). – Pp. 162-167.
4. Hegel G. W. F. Grundlinien der Philosophie des Rechts. In: *Gesammelte Werke*. Band 14 (3). Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2011. – 530 S.
5. Jaspers K. The Idea of the University; [ed. Karl W. Deutsch, Preface Robert Ulrich, trans. Harold A. T. Reiche and H. F. Vanderschmidt]. – Boston: Beacon Press, 1959.
6. Rousseau J.-J. Emile, or On Education; [trans. with an introd. by Allan Bloom]. – New York: Basic Books, 1979. – 465 p.
7. Scheunpflug A., Asbrand B. Global education and education for sustainability. In: Environmental Education Research. – Vol. 12. – No. 1 (February 2006). – Pp. 33-46. doi: 10.1080/13504620500526446

II. PHILOSOPHIC PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF MODERN SPIRITUAL CULTURE

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА – ГАРАНТИЯ СТАБИЛЬНОСТИ В МИРЕ

Н. Б. Дуйсен

*Магистрант¹,
Евразийский национальный университет
им Л. Н. Гумилева,
Нур-Султан, Казахстан*

Summary. This article discussed the current state of the spiritual culture of the world today. It is only a matter of time before we see the future fetters of the spirituality of mankind as a spiritual culture and elevate it to the highest human value. Each culture has its own differences, but the first task is to solve the question of how we can live together. People cannot afford each other when it comes to spiritual and cultural values, because the catastrophic nature of each other, «pulling one side and one sleeve» on other threats, affects their unity and survival. In the first millennium of the new millennium, humanity needs a new perspective, revealing the meaning of values.

Keywords: spiritual culture; values; goodness; spiritual meaning; personality; material and spiritual needs; culture; crisis; spirituality; society; state; morality.

При упоминании духовной культуры можно говорить о ней как об этическом орудии. Духовная культура – социальная основа мироустройства. Хотя это понятие очень многогранно, а его элементы отражены в разных религиях, философиях, науках, идеологиях, оно только сегодня заново открывается человечеству, но и начинает проявляться в своей единой системе цивилизационных ценностей [1]. Таким образом, можно говорить о том, что духовная культура имеет многочисленные грани соприкосновения с политикой, поскольку часто встречающиеся политические и социальные противоречия являются следствием недостаточного уровня развития духовной культуры.

На протяжении всего двадцатого века политика была «искусством достижения возможного», и это было единственным из искусств, в котором не было места для появлений человеческой духовности. Духовность и политика были – как «гений и злодейство – две вещи несовместные» [2]. Духовная культура, в нашем понимании, – если не принимать во внимание политические системы, – правила, которые, создаются самим человеком.

Каждая культура обладает только ей присущими особенностями, однако первоочередная цель здесь – решение проблемы совместного

¹ Научный руководитель – Тұрсынбаева А. Ө., к.ф.н., доцент.

существования. Подобно тому, что человек не в состоянии жить вне природы, обособленно, так и во всем, что касается духовных и культурных ценностей, ни один народ, ни одна страна, несмотря на способность существовать как государство, не в состоянии жить изолированно, по той причине, что, насколько разнообразные природные катастрофы вредят всему человечеству, настолько и объединенные усилия против других неожиданных опасностей влияют на единство и жизнедеятельность людей. Идея о объединенных усилиях становится актуальной не только в деле сохранения ценностей, относящихся к духовности отдельной страны, и не ограничивается вечным уважением к ним, но и применима к мировым, глобальным и еще более масштабным проблемам.

Никем не подвергается сомнению тот факт, что сознание человека сейчас находится на самой высокой ступени развития. При этом, к сожалению, не уменьшается количество тревожных для всех моментов, угрожающих цивилизации. Войны и голод, наркотики и терроризм и тому подобные которые, казалось бы, должны были стать забытыми понятиями и остаться в прошлом, по сей день остаются злободневными актуальными проблемами цивилизации.

Сменяющиеся сегодня события, прежде всего, воздействуют на сознание человека. Непреложной истиной, не подлежащей сомнению, является то, что позитивные или, наоборот, неприглядные явления, прежде всего, в определенной степени влияют на психику человека. Из мировых новостей каждый день мы узнаем о пугающих событиях. Не может не вызывать беспокойство на трагедию огромного числа людей, ставших жертвой природных катаклизмов. Это должно восприниматься как то, что касается не отдельного человека или отдельной семьи, а общая для всего человечества трагедия. Не случайно главный казахский поэт, философ, каким Абай писал, о необходимости любить все человечество. Помыслы, заключающиеся в этой мудрости акына, заставляют задуматься над сохранением чистоты помыслов внутреннего мира, поскольку духовно чистый человек всегда стремится к единству, миру, согласию. В этом году Казахстан находится в преддверии празднования 175-летия великого Абая.

Мудрец Абай – гений мирового уровня, рожденный казахской землей. Он подарил всему человечеству плоды своей мудрости. Действительно, произведения этого мудреца способны всесторонне обогатить не только духовную жизнь казахов, но любого человека, поскольку содержание произведений Абая наполнено общечеловеческими ценностями. Его «Книга слов» – сокровищница народов мира. Воспевая в своих словах назидания общечеловеческое наследие, Абай продемонстрировал дальновзоркость, определив общую для человека духовную высоту. Поэтому есть основание полное назвать наследие Абая духовной продукцией всего человечества [3].

Последние четыре века человек существует в пространстве индустриальной цивилизации. Его главная ценность – выведение экономики на передовые позиции и изыскание способов ускорения экономического раз-

вития. Этот процесс продолжается и по сегодняшний день. Индустриализация, экономизм, технократизм, материализм, империализм и т.п. направления индустриализации сегодня находятся в состоянии интенсивного развития. В такой среде духовная культура подчиняется перечисленным направлениям, в то время как, наоборот, экономическая составляющая должна выполнять задачу служения основной ценности человечества – обогащению духовного и социального развития. Конечно, в таком обществе находятся люди, которые хотят разбудить людей, создают разнообразные пословицы и произведения с целью освещения опасности этих процессов. Тем не менее, нельзя говорить о целостных изменениях в системе. Упомянутые периоды исторического развития выполнили свою историческую миссию, веками сложилась необходимая материальная база. Теперь же актуальной задачей становится определить верное направление, создать цивилизацию, в которой духовность будет занимать первоочередные позиции. Время, в котором духовность отходит на второй план, перечисленные направления, как экономизм, индустриализм признают свою несостоятельность в борьбе с такими явлениями, как преступления, террор и др. патологиями.

Очень важно, что наконец – то в раздробленном и разобщенном многополярном мире появилась сила, сумевшая самоорганизоваться, подняться над всеми субъективными интересами и целями, разнообразными течениями и заявить о духовной целостности человечества. Эта сила – носители и творцы Духовной Культуры из 72 стран мира, собравшиеся в Астане в октябре 2010 года на Всемирный Форум Духовной Культуры, чтобы заявить: старые модели межчеловеческих отношений, основанные на антропоцентризме и материальных благах, на идее «одноразового бытия», не отвечают требованиям времени. Борьба идеологий – также продукт старой, уходящей цивилизации. Эта цивилизация неотвратимо движется к упадку, ресурсному износу. И борьба идеологий уйдет вместо с ней! Грядет Новая Эра, эра Духовной Культуры [4]. В 1992 году точно в этот день в столице Казахстана того периода – Алматы – прошла первая сессия конгресса Всемирного Духовного согласия. 18 октября – День духовного согласия – в приняли Манифест, в котором провозгласили готовность препятствовать конфликтам, стремиться к согласию, оказывает благотворительную помощь близким людям. Начиная с 1992 года этот день отмечается в Казахстане как национальный праздник.

Признавая духовную культуру в качестве пути будущего человечества, признание ее как высшую человеческую ценность, превращается в требование времени. Человечество должно задуматься над своим будущим, с тем, чтобы самому выбрать свое будущее. В этой связи проблема, требующая внимание – положение на земном шаре, которая обуславливает стабильность человечества. Земля-мать переживает кризисный период в своей истории. Поэтому положение людей, проживающих на земном шаре, является общей проблемой. Ежегодно увеличивается численность населе-

ния земли. В то же время имеет место нехватка ресурсов, безграничное использование природных ископаемых. Поэтому, несомненно то, что эта проблема обязательно скажется на всем человечестве. Природа всячески препятствует человеку, получающему все необходимое для себя из земли. Ясно, что экономические проблемы в сегодняшнем мире являются последствием этого вмешательства. Эти проблемы касаются не отдельного государства, но и приводят к большим изменениям на всей Земле. В частности, в последнее время наблюдается увеличение числа природных катаклизмов. К крупным катастрофам приводят рукотворные вмешательства, несоблюдение природоохранных технологий. Примером этому может служить ошибки, допущенные компанией «Бритиш Петролеум» в Мексиканском заливе. Наряду с этим существует проблема продуктового дефицита в ряде стран мира, в то время как продуктовый ресурс одного из самых крупных государств – США – составляют 40 процентов от мирового объема. В таких условиях рождается общая проблема того, какого направления должно придерживаться человечество.

Подводя итоги, можем сказать, что сегодняшнее человечество переживает гуманистически-духовную деградацию. Сегодня несомненной истиной является то, что имеется связь между наукой и знанием, между человеческим образом жизни и разнообразными природными катастрофами, наблюдаются особенности во взаимоотношениях людей с другими нациями и с окружающей их средой. Естественный ответ природы на равнодушие человека требует внимательного пересмотра жизненных ценностей, реальных действий, направленных на предотвращение возможных угроз в этой сфере. В связи с этим необходимо понимать, что думающий только о своей пользе народ, отказывающийся от единения, может прийти только к глубокому дну. Актуальной проблемой объединения мирового сообщества становится, прежде всего, необходимость качественных, полноценных и полезных методов воспитания и обучения, соответствующих новому времени аспектов, направленных на духовную суть человека. По мере разработки таких методов и систем перед человечеством откроются новые возможности противостояния многочисленным опасностям, встречающимся перед человечеством. Все национальные политические религиозные и другие различия теряются перед лицом опасности природных, техногенных, военных и других катастроф. Вопрос здесь в том, чтобы спасти человечество, поскольку, как говорил Абай, «Для человека все люди – друзья» Мы должны сохранить богатство и многообразие культуры и традиции с тем, чтобы должны делать оставить их в наследство будущим поколениям человеческой цивилизации. Мы должны построить мосты, объединяющие человеческие сердца, нации и государства, и искать пути достижения согласия.

Библиографический список

1. Агешин Ю.А., Дарнева И.С. Духовная культура: стратегия и жизни мира. – М.: Дельфис, 2015. 15с.
2. Проблема духовности в современном мире. Сборник материалов международной научно-теоритической конференции, посвященной 70 – летию К.Ш.Шулембаева. 16 – 17 марта 2007 года. КазНПУ им. Абая, ИФиП МОН РК, АСНК, Алматы. – 2007. 213с.
3. Статья Президента РК Токаев К.К. «Абай и Казахстан в XXI веке»
4. Агешин Ю.А., Дарнева И.С. Духовная культура: стратегия и жизни мира. – М.: Дельфис, 2015. 21с.

III. PHILOSOPHY OF INFORMATION: THEORETICAL APPROACHES, ANALYSIS AND REALITY

SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL ASPECT OF THE RESEARCH OF THE TERM OF INFORMATION

V. N. Goncharov

*Doctor of Philosophical Sciences,
associate professor,
North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia*

Summary. The term of information has no unambiguous interpretation. The meaningful content of this category depends on what is actually meant by information. There is no clear answer to this question in modern scientific and philosophical literature. Therefore, a need for scientific and philosophical analysis, first of all, of the concept of information arises.

Keywords: physical information; ideal information; consciousness; material system; ideal reality.

One of the most common definitions of the concept of information belongs to academician V. M. Glushkov. «Information, in its most general understanding, is a measure of heterogeneity of distribution of matter and energy over a distance and time, a measure of changes that accompany all processes in the world» [5, p. 53–62].

Analysis of this definition has been repeatedly carried out in various scientific studies [11, p. 57–62]. They have stated that it is based on an attributive approach to the concept of information and emphasizes its two main aspects – static (distribution of matter and energy over a distance) and dynamic (changes over time).

They are extremely important, as they draw the attention of researchers to two types of information – static information and dynamic information [4, p. 118–124].

The main carrier of static information in nature is matter, which performs functions of information storage and thus ensures its preservation and translation over time. As for dynamic information, its main carrier is energy (field), which provides information dissemination over a distance [10, p. 78–82].

The definition of information requires not only a very substantial clarification, but also a new interpretation. The most accurate way to formulate the definition of the term information is to analyze the physical essence of the information phenomenon [7, p. 136–143].

In the analysis of the physical essence of the information phenomenon, the idea of information and symmetry concepts binding is used, where the constructivity of using the concept of asymmetry for characterizing physical

entity of the information phenomenon, as well as a possibility of a sufficiently common approach to the estimation of the amount of information as a degree of asymmetry occurring in the different physical objects, is shown quite strongly. Asymmetry, that is a result of a symmetry violation, is information. It allows to propose a new definition of information. Information broadly represents an objective property of reality, which manifests itself in the heterogeneity (asymmetry) of the distribution of matter and energy over distance, and in the non-uniformity of all processes over time, taking place in wild-life and inanimate nature, as well as in the human society and consciousness [15, p. 10–16].

In other words, heterogeneity and non-uniformity, that is the results of the violation of symmetry in the distribution of matter and energy over space and time, which are observed in the various objects, problems or phenomena of the world around us, are the phenomenon, which should be called information. It follows that in the homogeneous spheres, including social [9, p. 87–93] and in steady processes there is no information.

According to the stated point of view, information is not fancy, or a product of consciousness activity [13, p. 102–107], but a real physical phenomenon characterizing the state and nature of movement of matter or energy. Information is inextricably linked to the matter and energy that carry it. It represents their attribute, that is, an inherent property. This type of information is called physical information despite ideal information, which is a result of consciousness activity [12, p. 282–284].

In this case, we are talking about physical entity, so-called primary, or related, information, which is generated by the heterogeneity of material or energy objects of the real world [2, p. 168–177]. After all, this kind of information is primary for the formation of so-called secondary information, which is some reflection of the primary information [6, p. 6–9].

If we compare the above-proposed definition of the term information with the definition given by V. M. Glushkov, it can be concluded that his definition describes not the information itself, but its quantity.

If we understand information as heterogeneity and inequity of distribution of matter and energy over distance and time, then the amount of information can serve as a measure of this heterogeneity (inequity). And the numerical value of this measure characterizes a degree of this heterogeneity or inequity in a particular case, that is, they are its quantitative assessment.

Thus, the definition proposed by V. M. Glushkov should be interpreted as a sufficiently strict definition of the amount of information. This concept was given great importance in connection with the rapid development of cybernetics, radio engineering, communication theory and computer science.

The concept of the amount of information appeared in the science before definition of the concept of information itself [8, p. 123–128]. Information, in reflection theory terms, can be represented as a reflected variety, namely the variety that one object contains about another object. Reflection is an effect of one material system to another, leading to the establishment of a certain

(specific) identity between the systems, when internal differences of one system (reflecting) correspond to the internal differences of the other system (reflected). Diversity is a set of differences.

The above mentioned definition of the concept of information was formulated on the basis of the analysis of the interaction between material systems, and can be used both for the study of the manifestation of the phenomenon of information and in the field of ideal reality [1, p. 95–100].

At the same time the phrase of reflected diversity corresponds more to the result of reflection, that is, refers to secondary information.

What terms can we use to characterize primary information, that is, the one that actually is a subject of reflection? These terms are difference and diversity as a set of differences, that is, those basic terms that are used in philosophical analysis of information nature [3, p. 80–85].

There is an option of this definition that avoids the use of the terms of matter and reflection. This definition can be presented as follows. Information is a universal fundamental property of the reality, which manifests itself in the fact that individual fragments of the reality show themselves in the different ways over distance and time, that is, they have difference property. Information is a complex of these differences.

Analyzing this definition, it is possible to make sure that it characterizes both primary and secondary information and can therefore be used in the study of the phenomenon of information both in the material (physical, energy) and nonmaterial (ideal) components of the reality.

This definition is the most general of all above mentioned and does not contradict them. Therefore, it can be used by specialists in various fields of science [14, p. 39–44], regardless which concept of nature of information they prefer – attribution or functional.

Bibliography

1. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Т. 8. - № 3-1. - С. 95-100.
2. Бакланова О. А., Бакланов И. С. Современная российская социальность в контексте социального конструкционизма // Вопросы социальной теории. - 2015. - Т. 7. - № 1-2. - С. 168-177.
3. Болховской А. Л., Говердовская Е. В., Ивченко А. В. Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2013. - № 5. - С. 80-85.
4. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // Социально-гуманитарные знания. - 2014. - № 7. - С. 118-124.
5. Глушков В. М. О кибернетике как науке // Кибернетика, мышление, жизнь. - М.: Мысль, 1964. - С. 53-62.
6. Dагаганова Yu.S. Философия науки // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2011. - № 4. - С. 6-9.

7. Джигоева Д.А., Камалова О.Н. Значение сенсорных технологий в жизнедеятельности человека // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2011. - № 1. - С. 136-143.
8. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 2. - С. 123-128.
9. Камалова О.Н., Карпун А.Б. Основные структурные элементы политической власти // Гуманитарные и социальные науки. - 2010. № 1. - С. 87-93.
10. Колосова О. Ю. Социальная информация в системе управления обществом: философский анализ // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2016. - № 1. - С. 78-82.
11. Колосова О. Ю. Теоретико-методологические аспекты экологической безопасности социально-экологических систем в контексте общественного развития // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2014. - № 3. - С. 57-62.
12. Лобейко Ю.А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. - 2014. - № 7-2 (46). - С. 282-284.
13. Лобейко Ю. А. Педагогическая деятельность и педагогическое сознание: социальный аспект // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. - 2014. - № 13. - С. 102-107.
14. Матяш Т.П., Несмеянов Е.Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 3 (82). - С. 39-44.
15. Матяш Т. П., Матяш Д. В., Несмеянов Е. Е. «Науки о природе» и «науки о духе»: судьба старой дилеммы // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 1 (80). - С. 10-16.

IV. URGENT ISSUES OF LEGAL PHILOSOPHY

PHILOSOPHICAL CONCEPTS OF LAW: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT OF RESEARCH

O. Yu. Kolosova

*Doctor of Philosophical Sciences,
associate professor,
Stavropol branch of Krasnodar university
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Stavropol, Russia*

Summary. Depending on how philosophy of law interprets legal reality, there are different philosophical and legal concepts which are due to two basic types of law – natural law and positive law.

Keywords: society; personality; public consciousness; legal awareness; legal norms; state institutions.

Natural law refers to ideal factors of law that express its deep essence. They exist in the mind of the subject (legal consciousness) as its settings, as an ideal. It can be said that it is a form of law cleared of accidental and common phenomena in the relations between people, which are regulated by law. It should be emphasized that natural law defines the concepts on the basis of which legal norms are adopted (must be adopted) and on the basis of which they are evaluated on the grounds of the hierarchy of values set by philosophy [2, p. 168–177].

The natural-law approach links the consideration of legal problems with basic human values: freedom, justice, a right to life, independent human status [11, p. 282–284]. At the same time, it focuses on natural, and therefore live evolving reality, including in terms of requirements and norms in the relations with nature [14, p. 10–16].

The natural-law approach, by consideration of matters of law, has essential methodological value because of requirements of the natural right are close to properties of the phenomena of a natural order; namely, absolute unconditionality, categoriality, beyond control of specific situations (including lawlessness, discretion of individuals), unavoidability of spontaneous negative consequences with disregard of natural-law requirements [10, p. 87–93].

Positive law refers to the current system of law: legal norms, relations and court decisions. In other words it can be said that it is a system fixed by various normative documents of requirements of state institutions expressed in the law. Positive law is an institutional entity: it exists in the form of externally objective institutions, formalized legal norms expressed in laws and other generally

binding normative legal documents. We emphasize that its formulating in writing plays a crucial role in the formation of law.

Basic properties of positive law as follows:

- normativity, this feature of law is typical of law as a regulatory system by means of which a constant reproduction of the values, conditions and forms of life inherent in a given society can be achieved;
- certainty, in which written documents make it possible to achieve maximum accuracy, clarity, specificity in defining the range of subjects, rights, obligations, sanctions, legal guarantees;
- state security, that is, a guarantee of the operation of the right, a possibility to make the procedure of rights and obligations, specified by the State, real; its introduction into social relations.

Thus, with ontological unity of natural law and positive law, the following differences can be distinguished:

- natural law is derived from nature, spiritual and moral aspirations of man to live in peace and order. The positive right was created by people and realized through the State;
- natural law arises as culture develops, while positive law – only with the emergence of statehood. Natural law is ideal in its content and not identical to legislation. Positive law equates itself with legislation and therefore belongs to civilization and not to culture [7, p. 6–9];
- natural law is expressed both in legal documents and customs and traditions. Positive and legal norms only imply official fixation in the form of legal acts
- fundamental human rights to life, liberty, property, personal dignity are considered natural by birth. Positive law believes that the individual receives freedoms and rights from the State;
- ideas of natural law rest on moral and religious grounds [13, p. 177–182].

A positive right is based on the will and strength of the State and is convinced of the necessity and sufficient nature of such justification.

It is important to stress that a degree of development of philosophy of law and its place in the system of sciences depend on the general state of philosophy and jurisprudence in the society. The degree of development and place in the society of science, morality, religion, the connection between different forms of public consciousness are also important [12, p. 102–107]. Politics and ideology are of great importance too. Thus, recently national scientific community under their influence was forced to be on the margins of the development of world philosophical and legal thought. The situation changed only after 1990s. And now philosophy of law claims itself in the science and education as a self-sufficient philosophical discipline.

At present it is possible to speak about such an independent philosophical-legal direction of research of legal reality as aesthetics of law [3, p. 80–85]. We believe that the influence of aesthetics on legal reality in general, problems of aesthetic education of the individual and aesthetic component of legal activity

require closer attention of scientists of social and humanitarian specialization [8, p. 136–143].

The ability to understand the high humanistic meaning of your activities, justify philosophically your worldview position and the legal decision taken, is high professionalism and civil maturity [1, p. 95–100]. This is significantly determined by the worldview, formation of which is intended to be influenced by philosophy of law. Attempts to solve fundamental theoretical problems of law without philosophical justification lead, as a rule, to relativism, or dogmatism. Therefore, the need to study philosophical and legal knowledge is determined primarily by the needs of their future enforcement. The study of philosophy of law greatly contributes to the fundamentalization of education, their development by brains [5, p. 21–24].

Philosophy of law does not aim to solve specific problems of jurisprudence. It helps the lawyer to understand the worldview problems of law, teaches the breadth of thinking, the ability to refract the acquired knowledge into practice. This defines the role of philosophy of law in the system of legal sciences as a general methodological discipline.

Philosophy of law is a philosophical discipline that explores the general patterns of law functioning taken in their historical and sociocultural development [9, p. 123–128]. It also identifies the meaning of the law, punctuates its fundamental concepts. Philosophy of law differs from legal sciences, it explores the general patterns of formation and development of law, its value bases at the philosophical level. Philosophy of law teaches clarity and organization of legal thinking.

The structure of philosophy of law generally corresponds to the structure of philosophy, but ontological, gnoseological and axiological aspects of understanding of legal reality are of particular importance [4, p. 118–124].

Philosophy constantly turned to the analysis of the legal life of society, because without understanding of law it is impossible to understand meaning and sources of existence of the society. In its turn, law, being a complex sociocultural unity, has always had an urgent need for philosophical and worldview generalizations. In practical terms, the emergence and development of philosophy of law is linked to the constant need to improve the organization and management of society [6, p. 21–24].

Bibliography

1. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Т. 8. - № 3-1. - С. 95-100.
2. Бакланова О. А., Бакланов И. С. Современная российская социальность в контексте социального конструкционизма // Вопросы социальной теории. - 2015. - Т. 7. - № 1-2. - С. 168-177.
3. Болховской А. Л., Говердовская Е. В., Ивченко А. В. Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2013. - № 5. - С. 80-85.

4. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // Социально-гуманитарные знания. - 2014. - № 7. - С. 118-124.
5. Гончаров В. Н. Информационная потребность в обществе: социокультурный аспект // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - №6. - С. 21-24.
6. Гончаров В. Н. Информатизация образования общества: фундаментальный аспект исследования информатики // Фундаментальные исследования. - 2012. - № 3-1. - С. 21-24.
7. Daraganova Yu.S. Философия науки // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2011. - № 4. - С. 6-9.
8. Джигоева Д. А., Камалова О. Н. Значение сенсорных технологий в жизнедеятельности человека // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2011. - № 1. - С. 136-143.
9. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 2. - С. 123-128.
10. Камалова О.Н., Карпун А.Б. Основные структурные элементы политической власти // Гуманитарные и социальные науки. - 2010. № 1. - С. 87-93.
11. Лобейко Ю.А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. - 2014. - № 7-2 (46). - С. 282-284.
12. Лобейко Ю. А. Педагогическая деятельность и педагогическое сознание: социальный аспект // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. - 2014. - № 13. - С. 102-107.
13. Несмеянов Е. Е. Соотношение религии и науки в гуманитарном знании и современном обществе (по материалам монографии К. В. Воденко и А. А. Мекушкина «Христианство и наука: история и современность» (М., 2014)) // Гуманитарий Юга России. - 2015. - № 1. - С. 177-182.
14. Матяш Т. П., Матяш Д. В., Несмеянов Е. Е. «Науки о природе» и «науки о духе»: судьба старой дилеммы // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 1 (80). - С. 10-16.

V. NATIONAL CULTURES IN SOCIAL SPACE AND TIME

СЕЗОННЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМ КАЛЕНДАРЕ РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА

Е. А. Петрушина

*Научный сотрудник,
Музей «Археология Симбирского края»,
г. Ульяновск, Россия*

Summary. The article considers the national agricultural calendar as a system of organizing the labor and spiritual life of peasants. The phenological seasons of the year are highlighted, as well as calendar dates associated with their beginning and ending. The dates of traditional holidays and rituals associated with typical seasonal natural phenomena and labor actions are indicated.

Keywords: national agricultural calendar; phenological seasons; holidays; rituals; peasants.

На протяжении длительного исторического периода сельскохозяйственная деятельность крестьянского населения России находилась практически в полной зависимости от природных условий. Такое положение обусловило пристальное наблюдение за ходом сезонных изменений и попытки установить связи и зависимости природных и метеорологических явлений. Зная «сигналы» природы, земледельцу было легче определять оптимальные сроки проведения работ (пахоты, сева, уборки урожая). Представления крестьянского населения о сезонах года, связанных с ними циклах сельскохозяйственных работ, агрономические знания, разнообразные приметы, череда праздников аграрного характера и связанных с определенными датами обрядов сосредоточились в народном календаре.

Календарем называют систему счисления промежутков времени, по продолжительности превышающих сутки. Календарь – это способ деления года на удобные периодические интервалы времени [7, с. 152]. В основе лежит периодическое движение небесных светил, проявляющееся в периодических явлениях природы. Основные функции календаря – это измерение интервалов времени, фиксация дат периодических и непериодических природных явлений, регистрация в хронологической последовательности исторических и общественных событий, определение дат религиозных праздников.

«Календарное время – это всегда время какого-нибудь события из жизни природы (циклически проходящей через все этапы – от пробуждения до замирания) или связанной с нею хозяйственной деятельности человека» [1, с. 20]. Первоначально народный календарь носил ярко выраженный аграрный характер. Определенное воздействие на народный календарь

оказало христианство, и в результате соединения церковного и народного календарей возник народный месяцеслов, в котором, тем не менее, «сохранилось главное – дохристианское мировоззрение крестьянства, придавшее образам святых функцию божеств плодородия» [4, с. 4]. Святые стали восприниматься как покровители того или иного рода деятельности крестьянина, в связи с чем получили прозвища, связывающие их образы с крестьянскими полевыми и домашними работами, погодными условиями или явлениями природы того или иного дня. В частности, святые Косма и Дамиан (14 ноября) [здесь и далее даты приводятся по новому стилю, кроме специально оговоренных случаев] назывались в народе рукоесленниками, выступали покровителями женских рукоделий, так как с этого дня женщины принимались за пряжу, и покровителями кузнечного дела. День памяти Космы и Дамиана, в народном календаре – Кузьминки, считался первым зимним праздником. «Кузьма-Демьян – с гвоздем, мосты гвоздит», т.е. с этого дня зима заковывает землю и воду.

Основой народного времясчисления была смена времен года. Ключевыми моментами, делящими год на части, являются весеннее и осеннее равноденствия и летнее и зимнее солнцестояния. На время весеннего равноденствия приходился праздник Благовещения, на осеннее равноденствие – праздник Воздвижения. Две другие праздничные даты – Рождество Христово и Рождество св. Иоанна Предтечи, более известное как Иван Купала (24.VI ст. ст., 7.VII нов. ст.), почти совпадали с днями зимнего и летнего солнцестояний.

Сезоны года выделялись по характерным явлениям в природе, таким как прилет и отлет птиц, появление листьев на деревьях, цветение растений, заморозки, листопад, установление снегового покрова и т. д. Начало и окончание каждого сезона в народном календаре было связано с определенными датами, которые могли различаться в разных областях в зависимости от климатических условий. Например, началом весны считали Егорьев (Юрьев) день 6 мая – «Пришел Егорий – и весне не уйти», «Юрий на порог – весну приволок». Выделялись и переходные периоды, в течение которых фиксировались перемены в природе. «Алексей – человек Божий – с гор воду стонит (17 марта [здесь ст. ст. – авт.] пройдет), Федул (5 апреля) тепла надует, Василий Парийский землю запарит, святой Пуд (15 апреля) вынет пчелу из-под спуда, а мужик все весне не верит – пускай, говорит, земля прееет, а и погожу полушубок снимать: придет Егорий – сам, батюшка, с плеч сымет» [3, с. 206].

В восприятии крестьянина-земледельца сезоны по длительности отличались от календарных. Весна представлялась как период пробуждения природы и связывалась с характерными для этого времени сельскохозяйственными работами, такими как пахота, сев. Лето – период созревания хлебов, осень – время уборки урожая. Зима была самым длинным сезоном в году для многих регионов страны. В народном календаре особо выделялись даты, связанные с фенологическими или метеорологическими явле-

ниями. Отметим, что фенология – это наука о сезонных явлениях в живой природе, изучающая изменения в растительном и животном мире, обусловленные сменой времен года и погодными условиями [8]. Развитие этой науки было обусловлено практическими потребностями человека.

Начало и окончание фенологического сезона определяется наблюдениями за природой, а не календарными датами. В частности, начало фенологической весны относят к прилету грачей, окончание – ко времени отцветания яблонь и сирени [2, с. 15]. Начало лета соответственно относят ко времени отцветания яблонь и сирени, конец связывают с появлением первых заморозков на почве [2, с. 31]. Осень начинается с первых заморозков и листопада, заканчивается с установлением прочного снегового покрова [2, с. 49]. Наступление зимы считают с замерзания водоемов и установления прочного снегового покрова, конец зимы относится к появлению проталын и прилету грачей [2, с. 67].

В народном аграрном календаре содержались сведения о циклических, сезонных изменениях в природе и времени наступления таких изменений, а также сведения об отмечаемых в связи с ними особых датах, праздниках, проведении обрядов. М. Забылин указывал, что «чувствовать предметы своего благоговения праздниками сродно человеку, для которого верование заключает в себе протекшее и будущее, божество и мир духовный, природу и его самого» [6, с. 69].

Перемены в природе, переход к теплому времени года отмечали с Евдокии-плющихи (14 марта) – снег подтаивал, оседал, как бы сплющивался. В некоторых деревнях женщины пекли обрядовое печенье – «жаворонков» и дети начинали «кликать весну», влезали на крышу или пригорок и пели веснянки [5, с. 127]. 17 марта – день Герасима-грачевника, день прилета грачей. «Увидал грача – весну встречай» – говорили в народе. Дети следили за грачиными гнездами. Наблюдая за поведением грачей, делали прогноз на весну (если грачи шумно гроят и летят к своим гнездам, весна будет дружная). 22 марта отмечали день сорока севастийских мучеников (в народе – «Сороки» – вторая встреча весны). Зима кончается, весна начинается, день с ночью меряется-равняется (равноденствие). Пекли «жаворонков» и раздавали детям. С этого дня считали сорок утренних морозов и спустя сорок утренников сеяли гречу.

Благовещенье (7 апреля) завершало предвесенние праздники и начинало череду весенних. В этот день не работали. В канун праздника сжигали старые соломенные постели, окуривали дымом домашний скарб, жгли белье больных. В южных губерниях молодые переходили в холодную клеть-горницу, в теплой избе оставались только старики и дети. Запасались «благовещенскими просфорами», крошили их и смешивали с посевными семенами, а при первом севе освященные просфоры прикрепляли к сеялке, в надежде обеспечить хороший урожай. Праздновали приход весеннего тепла, выпускали на волю птиц [3, с. 160–163].

30 апреля с особой молитвой обращались к святым Зосиме и Савватию, считавшимся покровителями пчел и заступниками пчеловодов, слушали молебны на пчельниках, кропили освященной водой пасеки, в церковь приносили мед.

Большим праздником воспринимался первый выгон скота в поле, приуроченный к Егорьеву дню (6 мая). Выгоняли на пастбище коров, коней оставляли без выпаса до Николы. Но в этот день в корм коням подмешивали кусочки крестов из ржаного теста, испеченных на Крестопоклонной неделе Великого поста. Георгий Победоносец (в народном календаре Егорий, Юрий) считался покровителем домашнего скота, хозяином лесных зверей, покровителем земледелия. На Егорьев день заказывали молебны, испрашивая у святого благословения нивам и огородам. Запахивали пашню, высаживали рассаду, сажали морковь и свеклу. Примечали, что погода на Егорьев день в разных регионах различается.

В зависимости от климатических условий сев начинали 10 мая на Семена-ранопашца, в течение недели после праздника Георгия Победоносца и недели после дня Еремея-запрягальника (14 мая), в день Бориса и Глеба-сеятелей (15 мая). На Иоанна Богослова (Ивана-пшеничника) готовили пашню под пшеницу. Сев пшеницы народный календарь рекомендовал осуществлять, когда зацветет черемуха. Ячмень, поздний овес и пшеницу сеяли на Пахома-бокогрея 28 мая. Поздний посев яровых приходился на Иванов день (7 июня). 13 июня – Еремей-распрягальник. «Пришел севу край – коня распрягай». 18 мая на Арину-рассадницу женщины с особым заговором сажали капусту. На Николу-вешнего 22 мая нужно было сажать картофель. Николин день считался мужским праздником, в этот день первый раз парни и ребята-подростки ехали в ночное пасти лошадей. Привозили угощение, после заката с девушками водили хороводы, пели. 23 мая на Симона Зилота почитали именинницей землю. В этот день крестьяне не работали на земле, опасаясь нарушить ее покой. 27 мая, в день Сидора-огуречника, приходился первый посев льна. Заканчивали сев хлебов, сеяли лен, гречиху, сажали огурцы в день святых равноапостольных Константина и Елены (в народе день называли Олены-Ленничи, Олена-льносейка).

22 июня церковь отмечает день преподобного Кирилла, чудотворца Белозерского. Астрономически это день летнего солнцестояния, и по народному календарю отмечался весне конец, почин лету.

Главным летним праздником в народе считался Иванов день или Иван Купала, канун праздника Рождества Иоанна Крестителя, 7 июля. День летнего солнцеворота был древнейшим праздником благодарения солнца. На Купалу открывался большой сенокос.

14 июля, на летние Кузьминки, женский праздник, пропалывали огород, снимали первые овощи. С 21 июля (летняя Казанская) готовились к жатве, начинали уборку ржи. С самой сильной жарой начинались зажинки – один из важнейших земледельческих праздников. Первый сжатый сноп называли именинником, его вносили в избу и ставили в красный угол

перед божницей, где он находился до времени дожинок, когда его обмолачивали отдельно. Умолот освящали в храме и затем подмешивали к семенам при засеве озимого поля. Соломой от этого снопа подкармливали больной скот [3, с. 270].

2 августа – Ильин день – считался днем перелома лета, первым осенним праздником. «На Илью до обеда лето, после обеда – осень». В народном представлении Илья-пророк подобен Перуну-громовержцу, и, опасаясь его гнева, в этот день не работали в поле, не косили, не убирали сена, какая бы погода не стояла на дворе. Пророк Илия почитался крестьянами как благодетель, дарующий земле изобилие плодов, считалось, без его воли не будет урожая.

Август был периодом начала ежегодных осенних работ. Отмечались три праздника, которые не были для крестьян днями отдыха – три Спаса. В народном календаре указан Медовый Спас (14 августа), когда производили откачку меда, Яблочный Спас (19 августа) – начало сбора яблок и Ореховый Спас (29 августа), названный так потому, что в центральных регионах России поспевают лесной орех. Этот Спас назывался также Спасом на полотне, хлебным или ржаным. К 19 августа, празднику Преображения Господня, приурочивалось окончание жатвы. Начинались осенины – встреча осени. Праздник Успения Пресвятой Богородицы 28 августа называли дожинками или оспожинками. Заканчивали уборку и посев озимого хлеба. Повсеместно в полосе оставляли несжатые колосья, завязывали их узлом, обвязывали лентами, пригибали к земле. Оспожинки считали большим праздником и справляли его, как правило, несколько дней.

11 сентября – день Усекновения главы Иоанна Предтечи – в народе стал днем Ивана постного, Ивана полетовщика. В этот день соблюдался строжайший пост (отсюда название «постный»). С Ивана постного осень считалась на деревенской Руси вступившей во все свои неотъемлемые права. «Иван постный – осени отец крестный», «Иван-поститель пришел, лето красное увел» [3, с. 310]. Окончание летнего периода отмечал и день Симеона Столпника 14 сентября, (в народе – Семен-летопрободец). Начинались бабьи супрядки, посиделки. К 21 сентября относили вторую встречу осени, праздник урожая. Чем урожайнее было лето, тем продолжительнее сам праздник [5, с. 227]. Третья и последняя встреча осени приходилась на праздник Воздвижения 27 сентября. Крестьяне верили, что в этот день нельзя начинать никакого важного дела. С Воздвижения начинали рубить капусту. Молотьбу начинали на Феклу-заревницу, 7 октября. По обычаю молотильщикам подносили угощение.

К церковному празднику Покрова пресвятой Богородицы заканчивались все полевые работы. Крестьяне начинали утеплять свои избы, топили печи. Скармливали скоту последний сноп с последней полосы – пожинальник, связанный из колосьев, оставленных ранее «Илье на бороду», чтобы умиловать пророка. Таким образом надеялись предохранить скот от зимней бескормицы.

Зиму отсчитывали с 4 ноября – на праздник Зимней Казанской Богоматери приходились первые заморозки. «До Казанской не зима, с Казанской не осень». 14 ноября отмечали первый зимний праздник, день памяти святых Космы и Дамиана. Михайлов день 21 ноября был первым зимним днем: «Зима стоит, земля мерзнет». Пробные выезды на санях делали на праздник Введения. Тогда же ожидали перемены погоды. Гонки на санях по обычаю устраивали в день Екатерины-санницы 7 декабря. Характер зимы определяли по приметам на Егория холодного. Первыми серьезными морозами считались никольские. День Николы Чудотворца 19 декабря особо почитался крестьянами, празднество «Никольщина – братчина» справлялось в складчину с пивом и брагой из зерна нового урожая. На Николу зима – за морозы, а мужик – за праздники.

25 декабря, в день Спиридона-солнцеворота солнце поворачивает на лето, зима – на мороз, прибывает день. В этот день определяли, каков будет урожай. После Спиридона-солнцеворота следовал длительный праздничный период, включающий Рождество, Васильев день, Крещенский сочельник, Крещение.

4 февраля – Тимофей-полузимник, прошла половина зимы. По погоде судили о весне. 15 февраля отмечали Сретение Господне, понимаемое крестьянским населением как день встречи зимы с летом. По приметам этого дня судили о том, какая будет весна, об урожае хлебов и трав. Начиная переходный период к весеннему сезону. День Симеона и Анны (16 февраля) называли починками, начинали чинить летнюю сбрую [5, с. 113]. Завершали зиму Власьевские морозы. День великомученика Власия в народном календаре назывался «бокогреем», так как солнце начинало сильно пригревать. Власий ассоциировался с языческим Велесом – «скотским богом». В этот день старались не работать, чтобы охранить скот от падежа. Крестьяне устраивали специальные молебны, обходили с иконой святого Власия больных животных. Границу между зимним и весенним периодами обозначал праздник Масленицы, обряды которого были посвящены плодородию. Так завершался один и начинался следующий годовой цикл.

Таким образом, народный календарь представлял собой свод результатов наблюдений, примет, сведений об особо отмечаемых днях в году, множество поверий и обрядов русских крестьян-земледельцев. Сведения из народного календаря помогают воссоздать целостную картину восприятия человеком природы и климата, его трудовой и духовной жизни.

Библиографический список

1. Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. – М.: «Индрик», 2002. – 816 с.
2. Грошев В.Д. Календарь российского земледельца (народные обычаи и приметы). – М.: Изд-во МСХА, 1991. – 96 с.
3. Коринфский А. Народная Русь. – М.: Белый город, 2006. – 592 с.

4. Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде / Сост. и авт. вводн. текстов Г. Д. Рыженков; Вступ. ст. и словарь А. Н. Розова. – М.: Современник, 1991. – 127 с.
5. Русские обычаи и обряды / Автор-сост. Н.А. Юдина. – М.: Вече, 2005. – 320 с.
6. Русский народ. Книга 1. Праздники, обычаи и обряды на Руси / Сост. М. Забылин. – М.: Белый город, 2004. – 176 с.
7. Сурдин В.Г. Большая энциклопедия астрономии. – М.: Эксмо, 2012. – 480 с.
8. <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp>. (дата обращения 12.11.2019)

«ВТОРОЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ» НА РУССКУЮ ПИСЬМЕННОСТЬ

Е. Н. Соколова

*Доктор филологических наук, доцент,
Тюменский государственный
университет,
г. Тюмень, Россия*

Summary. The article is devoted to describing the mechanisms of "second South Slavic influence" on Russian writing in the late 14th–15th centuries. The analysis of modern research on this phenomenon as a special process in the spiritual life of Orthodox Slavic is carried out, taking into account the transformation of its scientific assessment in recent decades. Attention is paid to the cultural, linguistic, socio-political and ideological conditions of the process.

Keywords: East Christian culture; "second South Slavic influence"; church-religious writing; the weaving of words.

Феномен «второго южнославянского влияния» как особого явления в духовной жизни православного славянства впервые был описан в хрестоматийном исследовании А. И. Соболевского «Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV вв.» [6]. Термин служил для обозначения совокупности изменений, произошедших в русской культуре, и в первую очередь в письменности кон. XIV–XV вв. под воздействием южнославянских культурно-письменных традиций.

История процесса начинается, предположительно, в столице Второго Болгарского царства Тырнове при патриархе Евфимии (1375–1393), под руководством которого была проведена книжная реформа, охватившая затем все православное славянство.

Как известно, крупнейшими центрами греко-славянских культурных связей были Константинополь и Афон, где издавна существовали плодотворные контакты между греками, болгарами, сербами и русскими. Именно здесь переводились, редактировались и распространялись среди православного славянства книги, определяющие характер литературно-языкового развития. Целью книжной реформы, которая велась южными славянами в XIV в. в афонских монастырях, стало стремление восстановить древние, восходящие к кирилло-мефодиевской традиции нормы еди-

ного общеславянского литературного языка, упорядочить графико-орфографическую систему, приблизить ее к греческому правописанию.

В истории восточно-христианской культуры XIV век традиционно считается «православным Возрождением» в силу того, что богословским течением, определившим характер всей византийской церковности того времени стало этико-аскетическое учение исихастов (от греч. ἡσυχία – «покой, отрешенность») о пути к единению человека с богом и «божественности глагола».

После завоевания турками Балкан в Московской Руси появились южнославянские выходцы. Достоверно известно лишь о трех их них: митрополит Киприан (1330–1406), Григорий Цамблак (1365–1419) и иеромонах Пахомий Логофет (умер после 1484). С деятельностью указанных книжников связывают намеренную реставрацию церковнославянского языка на Руси, возвращение его к первоначальному, исходному состоянию (с ориентацией на южнославянский извод).

К основным инновациям данного периода относятся:

1. увеличение корпуса церковных текстов за счет новых переводов, выполненных южнославянским книжниками;
2. изменения в составе употребляющихся в древнерусских рукописях графем, орфографии и языке;
3. распространение младшего полуустава, возникшего под влиянием южнославянских почерков;
4. изменения в оформлении восточнославянских рукописей;
5. стилистические новации в оригинальных древнерусских сочинениях XV–XVI вв. – стиль «плетения словес» [3, с. 325–326].

В этот период происходит правка церковных книг по греческим образцам, восстанавливаются **ѣ** и **ѡ**, буквы греческого алфавита (**кси**, **пси**, **фита**, **омега**, **ижица**), **юс большой**, **юс малый** и др., не обозначающие звуков живой русской речи, восстанавливаются титла. Меняются начертания букв, многие из которых стали напоминать буквы греческого алфавита. Распространяется круглое написание буквы **веди** вместо прежнего **острого**, появляется новое начертание буквы **чръвь** (раньше была «чаша», теперь «получаша»). Вместо ставшего обычным в письменности стройного **Ѣ** появляется «**ять хромой**» и т. д.

Изменения в орфографии тоже были существенны. Например, предлагается писать **і** (десятеричное) перед гласными. Под влиянием сербского языка утверждается написание слов с плавными до гласных – **дльгъ**. Становится нормой писать **юсы** в конце слова и в корне. В текстах появляются многочисленные идеографические знаки, которые существенно затрудняли восприятие текстов. С этого времени появляется знак, который просуществовал до революции: † в значении «почивший» (крест ставился перед именем покойного). Тем самым письменному языку придавался божественный, мистический характер.

В период «второго южнославянского влияния» происходит распространение младшего полуустава. В XI–XIII вв. единственной формой письма был устав, с его отчетливыми, отдельно стоящими, крупными буквами (Остромирово Евангелие 1056–1057 гг.). В первой половине XIV в. появляется старший полуустав (Лаврентьевская летопись 1377 г.), письмо более простое, но близкое к уставу. К концу XIV в. старший полуустав сменяется младшим (Новгородская вторая летопись. Список кон. XV в.), близким по начертаниям к беглому курсиву.

Меняется и характер внешнего оформления рукописей. В заголовках активно используется вязь (сложное слитное написание букв и слов, носящее орнаментальный характер), используются тонкие киншварные инициалы, устанавливается фигурное завершение текстов (например, полукруг, крест, «воронка», т.е. постепенное сужение строк к концу рукописи («Житие Сергия Радонежского» Е. Премудрого. XV в.).

Если в киевскую эпоху господствовал тератологический («звериный») орнамент (Изборник Святослава 1073 г.), то с конца XIV в. он исчезает и на его месте появляется орнамент растительный (плетеный) или геометрический в балканском стиле (Евангелие игумена Никона кон. XIV–нач. XV в. и др.).

В результате «второго южнославянского влияния» и реставрации старокнижных традиций получает распространение стиль «плетения словес», отличающийся витиеватой манерой письма, книжными художественно-изобразительными средствами. Впервые этот термин употребил известный книжник конца XIV – начала XV века Епифаний Премудрый в «Житии Стефана Пермского»: «Влечеть мя на похваление и на плетение словесъ» [5]. Вначале стиль был распространен в церковной литературе («О житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича», «Четьи-Минеи», «Степенная книга царского родословия» митрополита Макария XVI в.), поскольку для повышения авторитета великокняжеской и церковной власти понадобилось создать жизнеописания московских князей и московских святых. Впоследствии в духе нового стиля обрабатываются материалы общерусской летописи (Воскресенская, Никоновская), создаются публицистические произведения, исторические повести, оригинальные и переводные («История о Казанском царстве», «Временник» дьяка Ивана Тимофеева, «Послания» Ивана Грозного и князя Андрея Курбского). Указанные произведения содержат множество цитат из церковной литературы, риторических вопросов и восклицаний. Книжники создают сложные по составу и структуре **неологизмы**, напоминающие в словообразовательном отношении греческие, старославянские и древнерусские слова: **каменноградный, благосчастіе, младорастущий, храбродобропобедный** и под.

В рамках стиля изобретаются «цветистые» пышные метафоры, используются символы, сравнения, перифразы, синонимические ряды. Значительно усложняется синтаксис (в том числе за счет повторов слов и словосочетаний). Стилю «плетения словес» свойственны предложения, состо-

ящие из нескольких главных и придаточных частей (типичные союзы – **дабы, иже, аще, понеже** и под.) и содержащие до 10 причастных оборотов и нередко до 150 слов (сложные периоды). Искусственные сложные эпитеты также были весьма частотны во времена «плетения словес»: **пение красногласное, колокола светлошумные и доброгласные, море многомутное, слава треблаженная, ангел солнцезарный** и т. п. Вся система синтаксических конструкций и художественно-изобразительных средств памятников, написанных в рамках стиля «плетения словес» отражает основную цель авторов – прославление и похвала.

Исследователи признают важную роль стиля «плетения словес» для дальнейшего развития русского литературного языка. Так, В. В. Виноградов отмечает, что поворот к книжно-риторическому, славянизированному стилю, вызванный «вторым южнославянским влиянием», является чрезвычайно важным этапом в истории русского литературного языка. Ученый подчеркивает, что теперь «славяно-русский язык претендует на исключительное значение в сфере высокой литературной идеологии. Величие литературного диалекта, отгороженного от повседневного делового языка и живой речи простых людей, должно было символизировать высоту новой политической идеологии и культурный блеск великорусского государства» [2, с. 60].

Процесс «второго южнославянского влияния» имел также общественно-политическую и идеологическую обусловленность. В XV в. турки захватили Сербию, Болгарию и Константинополь (так называемый второй Рим). Тогда и появилась теория, что Москва – это третий (и последний) Рим (центр вселенского православия). Эта теория нашла наиболее полное выражение в посланиях старца Псковского монастыря Филофея и в сочинениях Максима Грека.

XV век традиционно называют «золотым веком русской святости». По подсчетам В. О. Ключевского, «в период с 1340–1440 гг. было основано до 150 новых монастырей» [4, с. 268]. Широкое распространение в русской церковной жизни получил Иерусалимский устав, а большой корпус южнославянских текстов составил основу библиотек крупнейших монастырей: Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского и Иосифо-Волоколамского, исключительное значение которых в духовной жизни русского народа неоспоримо.

Необходимо отметить, что научная оценка явления на протяжении чуть более столетия в значительной мере трансформировалась. Если А. И. Соболевский видел причину процесса в восстановлении культурных связей восточных славян с южными, то для современных историков литературы «второе южнославянское влияние» обусловлено единством историко-культурных процессов в Юго-Восточной и Восточной Европе. Историки языка полагают, что основные стимулы так называемого второго южнославянского влияния лежали в собственном развитии русской книжной традиции, то есть не пассивном восприятии, а активном выборе при

усвоении разных атрибутов чужой культуры; в работах Л. П. Жуковской сам факт «второго южнославянского влияния» в области языка отрицается; Д. М. Буланиным выдвигается тезис о «незримости» процесса южнославянского влияния.

Как отмечает А. А. Турилов, «существенно изменился среди языковедов и взгляд на источники «влияния»:

1. в области орфографии часто отрицается факт тырновской книжной реформы;
2. существенно принижается роль южнославянских выходцев;
3. распространение исихазма и связанных с ним литературных памятников ставится в зависимость от «второго южнославянского влияния», а не наоборот [7, с. 520].

Тем не менее, при наличии целого ряда спорных вопросов о причинах, ходе и масштабах явления, остается неоспоримым факт распространения в восточнославянской письменности корпуса новых текстов. Именно их появление и знаменует собой начальный этап «второго южнославянского влияния». Не вызывают сомнений и причины явления, которое вызвано потребностями новых монастырей в аскетической литературе и монашеских руководствах, а также сменой Студийского церковного устава на Иерусалимский. Нельзя не согласиться с тезисом, что основные стимулы «второго южнославянского влияния» «лежали в собственном развитии русской книжной традиции» и что его «исторический контекст» – это попытки создания православной ойкумены, объединенной общей идеологией и стандартизированным литературным языком» [7].

Болгарская книгописная традиция второй половины XIV в. дала блестящий пример замены корпуса текстов и правописания в масштабах целого государства. Авторитет патриарха-исихаста соединился в данном случае с авторитетом книжников Афона, поэтому, наименование книжной «справы» афоно-тырновской, вероятно, наиболее соответствует исторической истине. Афонская традиция продолжала пользоваться высочайшим авторитетом в среде русского монашества (достаточно вспомнить Нила Сорского). В течение XV в. авторитет Афона как центра и опоры православия еще более возрос и укрепился благодаря непримиримому отношению к унии. Известную роль сыграло и начавшее формироваться во второй половине XIV столетия представление о Московской Руси как единственной хранительнице православия и славянской культуры после падения Константинополя и гибели славянских государств на Балканах.

Таким образом, «второе южнославянское влияние» представляет собой сложное многоаспектное явление, которое может быть правильно оценено лишь с учетом совокупности всех его проявлений. В то же время оно является лишь составной частью развития восточнославянской книжной культуры конца XIV–XV вв. наряду с синхронным возрождением местной книжной традиции, восходящей к эпохе Киевской Руси. По словам Д. М. Буланина, «русские книжники, свыкшиеся с искусственным право-

писанием на тырновской основе, применили его ко всему массиву текстов, будь то сочинения и переводы, находившиеся в обращении на Руси до начала «второго южнославянского влияния», или их собственные литературные упражнения в разных жанрах, сочинявшиеся на протяжении всего XV в. Это их решение, каковы бы ни были его причины, имело непреходящее значение для сохранения с трудом обозримого множества литературных памятников предшествующих столетий, как собственно древнерусских, так и возникших на более раннем этапе развития славянских литератур» [1, с. 153].

Библиографический список

1. Буланин Д. М. К изучению механизмов «второго южнославянского влияния» на русскую письменность // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – 2018. – №2 (10). – С. 141-166.
2. Виноградов В. В. Основные этапы истории русского языка // Избранные труды. История русского литературного языка. – М., 1978. – С. 10–64.
3. Гальченко М. Г. Второе южнославянское влияние в древнерусской письменности: (Графико-орфографические признаки Второго южнославянского влияния и хронология их появления в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV в.) // Гальченко М. Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы. – М.; СПб., 2001. – С. 325–382.
4. Ключевский В. О. Значение преп. Сергия Радонежского для русского народа и государства // Жизнь и житие Сергия Радонежского. – М., 1991. – 368 с.
5. Слово о житии... святого Стефана, бывшего епископом в Перми... // URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10091> (дата обращения: 16.02.2020).
6. Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках // Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков: Библиографические материалы. – СПб., 1903. – С. 1–37.
7. Турилов А. А. Восточнославянская книжная культура конца XI – XV в. и «Второе южнославянское влияние» // Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. – М., 2012. – С. 519–555.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2020 ГОДУ**

Дата	Название
15–16 марта 2020 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2020 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2020 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2020 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2020 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
10–11 апреля 2020 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2020 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
18–19 апреля 2020 г.	Актуальные аспекты педагогики и психологии начального образования
20–21 апреля 2020 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2020 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2020 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2020 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2020 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
10–11 мая 2020 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2020 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2020 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2020 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2020 г.	Профессиональное становление будущего учителя в системе непрерывного образования: теория, практика и перспективы
25–26 мая 2020 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2020 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
10–11 сентября 2020 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2020 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2020 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2020 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2020 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2020 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
12–13 октября 2020 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2020 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2020 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2020 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2020 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2020 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
1–2 ноября 2020 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2020 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2020 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2020 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления

15–16 ноября 2020 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2020 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2020 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2020 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2020 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2020 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,881, • РИНЦ – 0,075.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 0,966
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия) 	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- making an artwork,
- cover design,
- ISBN assignment,
- print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Philosophical Society of Uzbekistan
Faculty of Business Administration, University of Economics in Prague
Urgench State University named after al-Khorezmi
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences

MODERN PHILOSOPHIC PARADIGMS: INTERRELATION OF TRADITIONS AND INNOVATIVE APPROACHES

Materials of the VII international scientific conference
on March 3–4, 2020

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 11.03.2020.
60×84/16 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 2,6.
100 kopií

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
Tel. +420773177857
web site: <http://sociosfera.com>
e-mail: sociosfera@seznam.cz